

ПРОТОКОЛ СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ

г. Чита

«21» октября 2008г.

Ингодинский районный суд г. Читы в составе:

Председательствующего судьи

Нарышкиной Л.В.

С участием прокурора

Кириенко Т.С.

Адвокатов

Грузда Б.Б., Сайкина Л.Р., Купрейченко С.В.

При секретаре

Прокопьевой И.В.

< ... >

ПРОТОКОЛ СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ

В 10 часов 22 октября 2008г. судебное заседание объявляется продолженным.

< ... >

Ходорковский:

- Как я уже говорил, жалобу поддерживаю в полном объёме. Хотел бы сказать, что если буквально читать обвинение, которое мне предъявлено и не обращать внимание на то, что в нём содержатся некие и противоречащие базовому утверждению заявления, - то следствие обвиняет меня в хищении 350 млн.тонн нефти. То есть, количества, сопоставимого или превышающего всю ежегодную добычу в России в период с 1998г. по 2003г. Это, конечно, не 60 трлн. долларов, но смысл тот же самый. Это не техническая ошибка, так как цифра постоянно тиражируется в СМИ.

С момента предъявления мне этого обвинения в начале 2007г., которое осталось неизменным и в новом варианте, от 29.06.08г. я честно пытался убедить следственную группу не позорить себя и страну заведомо абсурдными утверждениями. Я пытался объяснить, что сделать то, что они написали – похитить 350 млн. тонн нефти – физически невозможно и не представимо, с точки зрения современной науки. И уже в силу этого очевидного факта такое обвинение, заведомо непредставимое, не предоставляет мне возможности защищаться. Потому что, либо я его не понял, либо мне что-то неясно с состоянием современной науки.

Хочу отметить, что УК РФ содержит отдельную статью о хищении нефти из трубопровода – там понятно, как всё осуществляется как физической, так и с практической точки зрения. Как это осуществляется в том обвинении, которое мне предъявлено, я не понимаю, и просил мне это разъяснить. Следователи кивали головами и обещали доложить руководству – они здесь сами ничего не решают, они только всё руководству докладывают. Результат остался прежним, они по-прежнему делают вид, что что-то доказывают и даже что-то доказали. А, к несчастью моему, это не первое моё уголовное дело, и по примеру первого дела я уже знаю, что будут делать вид, что доказывают одно – то, о чём я уже сказал. А потом в суде, основываясь на том, что у них в обвинении содержатся противоречащие этому основному заявлению утверждения, будут подменять формулировки. Приведу пример из первого дела: у меня там было обвинение в «уклонении от налогов иным способом». Оно там красной нитью проходило. А в финальном решении суда меня обвинили

в непредставлении документов и предоставлении ложных документов, сказав, что где-то там, в этом обвинении встречалось такое утверждение. Поэтому и получается, что красной линией проходило одно утверждение, а меня можно осудить за другое, от которого я не защищался.

Именно поэтому, поскольку я уже сталкивался с такой ситуацией, я сейчас и требую от следствия разъяснить мне обвинение. То есть – все противоречащие основному заявлению утверждения – либо объяснить, либо исключить. Потому что в противном случае я считаю, что это, как и в первом деле, делается, чтобы лишить меня право на защиту. Я не буду ссылаться на конвенционные положения, но очевидно, что такое ложное обвинение – это вещь недопустимая.

Получив 30 июня так называемое новое обвинение и увидев, что весь этот бред остался на месте, я попросил следствие, уже второй раз, разъяснить мне это обвинение. Первый раз был в 2007г, тогда отказались, и 30 июня мне также отказали в отказе обвинения, что зафиксировано в протоколе. По понятной причине – разъяснить этот бред они не способны. Заниматься гаданием, что они на самом деле имели в виду, я не должен. Они мне должны сказать, в чём меня обвиняют.

Тем не менее, несколько важных вопросов возникают и требуют ответа на этапе предварительного следствия я не после моего многолетнего пребывания в СИЗО в ходе рассмотрения дела по существу.

Если читать обвинение буквально, отсекая противоречащие утверждения, которые я прошу мне разъяснить, то моё преступление состоит в том, что сделки с нефтью в России на устье скважины (то есть рядом с самой скважиной) – совершились не по ценам Роттердама, а – намного дешевле. Если это преступление, то я просил бы при разъяснении просят бы следствие мне разъяснить, а также – обосновать, почему в России нужно было продавать нефть по ценам Роттердама. Также я просил бы следствие, если бы они мне взялись разъяснить, посчитать последствия такой следственно-прокурорской экономики. Любой мало-мальски компетентный специалист скажет, что в случае если бы мы продавали нефть на устье скважины по ценам Роттердама, то цены на российских бензоколонках ещё 8 лет назад стали бы существенно выше. По моим расчётам, 92-й бензин стоил бы от 60 до 80 рублей за литр.

Интересно, какими нормами УК следовало бы в этом случае квалифицировать бы действия таких монополистов, которые бы установили сейчас такие цены на бензоколонке? Я знаю, потому что об этом Генеральный прокурор регулярно говорит по телевизору. Но если следователи Каримов, Алышев, Русанова, их руководители, надзирающие прокуроры и также – другие авторы этой нездоровой инициативы требуют и считают правильным это сделать – то они являются подстрекателями к такому тяжкому преступлению против потребителей и совей страны. И разъяснить это я их прошу. Они отказываются.

Второе. Общеизвестно, что аналогичная «ЮКОСу» практика внутрикорпоративной торговли повсеместно применялась тогда и применяется до сих пор. В том числе – всеми госкомпаниями. Надо сказать, что высшие руководители нашей страны просили называть «в лоб», кем, отвечаю – «Роспромом», «Рособоронэкспортом», «Роснефтью» и т.д. Более того, я не считаю, что это нарушение, я убеждён, что это – экономическая неизбежность. И законность таких действий, то есть – внутрикорпоративной торговли, признаётся очевидной и президентом РФ и Правительством и генпрокуратурой. Тогда я прошу разъяснить мне обвинение, то в том числе мне непонятно, почему Следственный комитет во главе с его председателем, назначенным Парламентом по представлению Президента, позволяет себе столь прямо и цинично нарушать фундаментальное конституционное положение о равенстве всех перед законом. Поскольку для всех капитально интегрированных компаний, включая названные, это законно и, более того, экономически неизбежно. А для «ЮКОСа» это – нарушение закона?

Нам сообщалось по телевизору, что наше дело председатель Следственного комитета докладывал Президенту РФ. У меня есть обоснованное подозрение, что президент РФ,

профессионально знающий данную отрасль, введён в заблуждение. Ему докладывали не то, что написано в обвинении. Поскольку обосновать такие утверждения специалисту в области гражданского права и бывшему председателю совета Директоров «Газпрома» по-просту невозможно. Он прекрасно всё это знает и понимает. Поэтому мне очень интересно, кто дезинформировал самого председателя Следственного комитета. Я об этом, в принципе, уже говорил, и у меня есть предположение, кто это сделал. Ещё и поэтому я прошу разъяснить мне обвинение.

Дальше я вступаю на зыбкую почву предположений: допускаю, возможно, следствие на самом деле думает, что вся выручка от нефти шла не в «ЮКОС», а мне и моим коллегам лично, в карман. Но они не смогли написать этого в тексте предъявленного мне обвинения. То есть, я вынужден предполагать, что на самом деле мне вменяют. Так опять не выполнена обязанность разъяснять обвинение. Это, положим, хоть в какой-то мере было физически понятно – если бы меня обвиняли именно в хищении денежных средств, а не нефти.

Исходя из презумпции невиновности следствия, предположим на минуту, что оно просто безграмотное – не умеет писать обвинительное заключение, а не умышленно и откровенно антиконституционное, о чём я говорил ранее. Тогда я прошу их – пожалуйста, подскажите, кто именно похитил деньги и укажите, где именно всё нами похищенное. Я был помочь следствию и рассказать, где находится «псевдопохищенное», потому что я это похищенным не считаю. Просил для этого материалы банкротства по «ЮКОСу». Потому что события «разбазаривания» «ЮКОСа» произошли уже после того, как я находился в тюрьме. Но я, как специалист, знаю, где находятся эти материалы и готов помочь следствию в установлении «псевдопохищенного».

Мне отказали. Кроме этого, для доказательства моей вины или невиновности если, предположим, ещё раз говорю, они возьмут не физически невообразимое хищение нефти, а «более здравое» хищение денежных средств – следствие должно было сделать несколько простых вещей: сначала сравнить предполагаемые и фактические доходы компании, а потом сопоставить эти доходы с фактическими расходами и остатками. Эта классика из учебников по криминалистике о расследовании хищений. Но следствие упорно отказывается от выполнения такой простой процедуры. И раз за разом отказывает нашим ходатайствам об этом, говоря, что это к делу не относится. Но как это может не относиться к делу, ведь если инвентаризация не выявит недостачи, то есть выручка минус расходы равна остаткам, то хищения нет и быть не может? В противном случае мне опять требуются разъяснения, иначе я ничего не понимаю в обвинении.

Принимая любую из двух версий обвинения – и антиконституционную, когда меня вопреки Конституции РФ, ставят в неравное положение перед законом, по сравнению с иными компаниями, и – просто безграмотное, когда они, например, написали в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого одно, а имеют виду совершило другое – следствие должно было объяснить и доказать происхождение имущества «ЮКОСа», проданного при банкротстве. Ведь ясно, что если вся нефть и выручка от её реализации похищена, а других крупных источников дохода у нефтяной компании нету. Во всяком, случае, следствие это не утверждает, – что мы ещё параллельно торговали чем-то другим. Тогда никакого имущества, кроме учтённого на балансе «ЮКОСа» 1997г., а это приблизительно 30% или даже поменьше имущества «ЮКОСа», которое было продано в процессе банкротства, по обвинению быть просто не может. Понятно, что есть только то, что было в 1997г., есть то, что было продано в 2004г. и после при процедуре банкротства. Эта разница, очевидно, куплена на деньги, полученные от похищенной и проданной нефти. Больше ей взяться неоткуда. То есть, по трактовке следователя – на преступные деньги. Речь идёт о 37 млрд. долларов или о 800 млрд. рублей, многовато для ошибки или простой невнимательности. Но выяснить, где это похищенное имущество или имущество, купленное на похищенные деньги – это обязанность следствия.

Во-вторых, следствие было обязано выявить и арестовать всё имущество, купленное на добытые преступным путём деньги. Как я уже говорил, это 70% всего имущества, проданного при банкротстве «ЮКОСа». Я об этом дал указания и написал ходатайство.

Поскольку это имущество уже распродано, то выручка от его реализации, в случае признания меня виновным, должна будет пойти «псевдо-потерпевшим». Я называю их «псевдо», так как не считаю это имущество похищенным, и потерпевших быть не может.

Но, тем не менее, этих «псевдо-потерпевших» ещё предстоит определить суду. А имущество уже распродано и деньги – 800 млрд. куда-то быстро делись. Если следствие считает, что это действительно похищенные деньги, они должны были это имущество или деньги арестовать. Или сделать это сейчас, если не сделали раньше.

Очевидно, понимая всю абсурдность ситуации, следствие отказывается выполнить и эту свою прямую обязанность. Тем самым оно умышленно наносит ущерб «псевдо-потерпевшим». Повторю – речь идёт по меньшей мере о 800 млрд. руб.

Помимо этого, следствие, если оно действительно полагает, что всё было похищено, должно установить всех соучастников, которые в 1998-2003гг. приобретали в особо крупных размерах десятки млн.тонн похищенное и легализованное, по мнению следствия, имущество – бензин, мазут, дизтопливо и т.д. Я опять же указал в своих показаниях при допросе, кто это. Это – ФСБ, МВД, МЧС, Мин.обороны. Я заявил ходатайство, указав, какие сведения об этом следует приобщить к делу. Следователь и здесь уклонилась от своих обязанностей. И это ходатайство тоже отклонено, как не относящееся к делу.

Я не знаю, понимают ли они абсурдность обвинения или просто не хотят глупостями заниматься. Либо, если они считают, что это имущество похищено и передано соучастникам, значит, они покрывают участников организованной преступной деятельности, я их перечислил. А и то и другое – недопустимо и незаконно: ни продолжать предъявлять обвинение, понимания его абсурдность, ни исследовать тот вопрос, когда организатор даёт показания о соучастниках преступления.

Ещё несколько мелких примеров: мы просили допросить свидетеля Брюса Мизамора. Он иностранный гражданин, но вполне доступен для следствия. Даже находясь за границей, он всегда заявлял о своей готовности дать показания. Это финансовый директор компании «ЮКОС». Когда меня арестовали в 2003г. именно он остался в руководстве компании и после моего ареста готовил отчёт о состоянии имущества компании по результатам за 2003г. Он наиболее полно осведомлён об имуществе компании после «завершения» мною вменяемого мне всеми хищения. Поскольку мне всё это хищение вменено до конца 2003г., то финансовый директор, оставшийся «на хозяйстве» компании после меня наиболее подробно может осветить, какое имущество в компании осталось. Более того, он за своей подписью выпускал публичные отчёты о том, какое имущество в компании состоит. Допросить этого свидетеля нам отказывают, по непонятным причинам. А если всё имущество на месте и человек, который дальше – в 2004, 2005гг. этим имуществом распоряжался, заявит, что «мне это имущество было передано», это что, к делу не относится? Мне вменяется похищение, а человек, который руководил компанией после меня говорит, что оно у него было и готов за него отчитаться. Как это может не относиться не делу?

Из обвинения нельзя понять, что именно оно считает похищенным, и каким способом. Как я уже говорил, наиболее часто встречается заявление, что похищена нефть, но также встречаются утверждения, что похищены нефтепродукты и денежные средства. Я понимаю, что следствие желает сохранить себе максимальную свободу для маневра в суде, но это незаконно. Событие преступления должно быть конкретно изложено в обвинении. Либо это нефть, тогда давайте разбираться, как можно было похитить 350 млн. тонн. Либо это что-то другое.

И по способу хищения – следствие использует такое выражение, как похищено путём «перевода с баланса на баланс». Я специалист, у меня есть техническое, экономическое и даже юридическое образование. И мне, как специалисту, этот способ неясен. Я знаю, что такое перевод с баланса на баланс, это лишь способ отражения в бухгалтерском учёте, им

что-либо похитить невозможно. Я признаю, что обвинение может использовать этот термин в каких-то иных, не общепринятых расшифровках. Тогда я прошу объяснить, в каких именно. Классический термин, который я знаю ещё из института, не позволяет мне понять, как таким способом можно похитить какое-либо физическое существующее имущество, например нефть.

Я прошу мне это разъяснить, но мне отказывают. Либо не должно быть такого обвинения вообще, либо, если вопреки здравому смыслу и элементарной логике, оно всё же есть, должны быть доказательства, которые не только его подтверждают, но и которые его опровергают. И обязанность следствия – собрать и те и другие. Мне отказывают в моих ходатайствах, говоря, что собранных доказательств им достаточно для обвинения. А мне для защиты – недостаточно. И я их собрать, по их же утверждению, сам, не могу. А их обязанность – сорбирать, но они мне отказывают.

Сегодня обвинительных доказательств, на самом деле, нет, потому что физически необъяснимые вещи невозможно доказать. А оправдательных доказательств нет, потому что следствие отказывается их собирать, а собранные нами отказывается приобщить к делу. То есть, это не следствие, а его видимость. По существу, расправа или исполнение...

Итак, ещё раз хочу сформулировать свои «дополнительные жалобы», либо те, которые поданы моими адвокатами:

Первое: мне предъявлено, но не разъяснено обвинение, в котором даже непонятно событие преступления. На мой взгляд, отсутствуют элементарная логика и здравый смысл. Я хочу эту логику, пускай мне сейчас непонятную, объяснили. Поэтому меня заставляют готовиться к защите от моих предположений по поводу вменяемых мне событий – я вынужден предположить, что следствие мне вменяет и от этого защищаться, тем самым нарушаются моё право на защиту.

Второе: следствие отказалось установить местонахождение «псевдо-похищенного». Ещё раз поясню, что я не считаю это имущество похищенным, но если следствие это считает, то оно должно установить его местонахождение. Тем самым, отказавшись установить местонахождение, несмотря на мою готовность давать показания, следствие не создало предпосылки для последующих процессуальных действий, на которые специально ориентирует его УПК и Генеральный прокурор, выступающий с тем, что одной из важнейших задач следствия является выявление и возвращение потерпевшим похищенного. Этую обязанность следствие не выполняет, тем самым нарушая также мои права. Так как, не выполнив этот пункт, оно не выполняет следующий – отказалось арестовать «псевдопохищенное имущество», тем самым допустив его распродажу и дальнейший оборот. А я тогда, в случае обвинительного вердикта суда лишён возможности погасить требования тех, кого следствие считает потерпевшим за счёт возвращения им этого «псевдопохищенного» имущества. Причем, данное нарушение с трудом или вообще не может быть устранимо в ходе рассмотрения дела по существу, так как дальнейший оборот имущества, который постоянно происходит, исключает возможность восполнения недоработок следствия - имущество нельзя будет найти, время уходит.

Далее – следствие отказалось установить «псевдо-соучастников». Как я уже говорил, я не считаю, что имущество похищено, поэтому я не считаю Министерство обороны и другие ведомства, которые на протяжении всех лет у «ЮКОСа» огромное количество нефти и нефтепродуктов, но если следствие так считает, то оно должно было установить этих «псевдо-соучастников» и тогда – оно смогло бы истребовать у них это «псевдопохищенное» имущество. А поскольку оно их не установило, имущество у них не истребовало, то я, соответственно лишаюсь возможности, в случае обвинительного вердикта суда, погасить требования «псевдо-потерпевших» за счёт этого имущества. И восполнить это в момент рассмотрения дела по существу невозможно, потому что, как Вы понимаете, и имущество и производные от него – истрачиваются с каждым днём, месяцем, годом...

Пункт пять – следствие последовательно отказывается предоставить и приобщить скрываемые оправдательные доказательства. Тем самым, я лишаюсь возможности базировать-

ся на них при рассмотрении вопроса о продлении срока содержания под стражей, ходатайствовать о прекращении уголовного дела прокурору на этапе предварительного следствия и в рамках предварительного слушания. То есть, даже если суд при рассмотрении дела по существу решит приобщить эти доказательства, а их 3 тысячи томов, скрываемых прокуратурой, и я конкретно помню, что там содержится – то я смогу на них ссылаться только после завершения предоставления доказательств обвинением, а это спустя многие месяцы, если не годы. Хотя это могло, и должно было уже быть сделано. Это нарушает мои конституционные права на защиту и другие, обрекая меня на многолетнее нахождение в СИЗО. Если бы это было сделано сейчас, я бы уже ссылался на них, в том числе – жалуясь прокурору на необоснованное возбуждение уголовного дела. Но следствие это специально нарушает.

Шестой пункт – следствие отказалось провести ревизию компании или приобщить результаты инвентаризации, которые имеются у них на руках. Это оправдательные доказательства, одни из многих. Это было легко сделать ещё в 2004г., сразу после возбуждения дела. С каждым месяцем это делать всё тяжелее, потому что сроки хранения документов проходят. И со временем рассмотрения дела по существу в суде сроки хранения документов по ряду лет – по 1998-2000г.г. – пройдут. А, соответственно, документы, которые никто уже не будет обязан хранить, будут безвозвратно утрачены. Тем самым я, опять-таки, лишаюсь права на защиту, и это не может быть восполнено при рассмотрении дела по существу, просто потому, что к этому моменту значительная часть документов будет уже утеряна.

Завершая выступление, хочу сказать, что у меня был очень интересный опыт процесса по рассмотрению ходатайства об условно-досрочном освобождении, в котором мне показалось, что за время перерыва прокурор, а, может быть, даже и суд получают из Москвы бредовые шпаргалки для дальнейших процессуальных позиций и действий. Сразу хочу заявить, что такой метод работы подрывает веру в независимость суда. А подмена вопросов, поставленных в нашей жалобе на иные вопросы, сфальсифицированные прокуратурой, типа «решение вынесено уполномоченным лицом в установленные законом сроки», являются злоупотреблением полномочиями и приводят к преступлениям против правосудия, а именно – фальсификации доводов жалоб. Также фальсификацией будет являться ссылка на ложно изложенные документы, не исследованные судом, что тоже было использовано в ходе процесса по УДО.

Я специально обосновываю, почему мои права, нарушающиеся сейчас, не могут быть восполнены в ходе рассмотрения дела по существу. Подмена сути этой жалобы на иную, придуманную прокуратурой – также фальсификация.

Прошу суд в ходе рассмотрения этого вопроса, представляющего крайне существенное значение для защиты наших конституционных прав, не допускать и не позволять никому подобные фальсификации. Всё, большое спасибо.

На вопрос суда, кто из адвокатов желает высказаться, адвокат Сайкин предложил:

- Может быть, мы сначала выслушаем мнение прокурора. Мы хотели бы воспользоваться своим правом дополнить – лишь после его выступления.

Прокурор:

- Мне необходимо время для подготовки.

Суд постановил: судебное заседание слушанием отложить, до 10 часов 24 октября 2008г.

Председательствующий:

Секретарь: